

О ФРАНЦУЗСКИХ КОНТЕКСТАХ РАЗГОВОРА В БЕЛУЮ НОЧЬ (Из комментариев к прозе Пушкина)

Отрывок, традиционно именуемый «Гости съезжались на дачу...» (далее: *ГС*), давно привлекает исследователей как инициальное¹ в ряду обращений Пушкина к замыслу повести из светской жизни. Легко объясним пристальный интерес к параллельным местам, которые обнаруживаются в этом довольно просторном (215 строк²) тексте и позднейших сочинениях, особен-

---

¹ Новейшая хронологическая канва относит «первый большой набросок» этой «неоконченной повести в прозе» (т.е. часть <I.>: «Гости съезжались ~ лени и благоприличию») к периоду «1828. Июль, конец...Август, до 19 (?)»; значительно меньший по объему «прозаический отрывок, являющийся продолжением повести» (часть <II.>: «Минский лежал еще в постеле ~ обещаясь быть непременно в театре») — к промежутку «1828. Октябрь, 23...Декабрь, 4» (Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М., 1999. Т. 2. С. 404, 429). Часть <III.> (черновой набросок разговора русского и испанца: «Вы так откровенны и снисходительны ~ первый признак дикости <i> безнравственности») датируется по положению в рабочей тетради интервалом от ноября 1829 до первой половины февраля 1830 г. (см.: *Левкович Я.Л.* Рабочая тетрадь Пушкина. ПД. № 841: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 270—271); степень ее связанности с двумя предыдущими по сей день остается дискуссионной. Ю.Г. Оксман в т.н. «краснониевском» издании впервые обозначил эти три фрагмента римскими цифрами и напечатал их в подбор друг за другом — принцип подачи текста, удержанный Академическим изданием, в котором *ГС* включен, что примечательно, в раздел «Романы и повести», а не «Отрывки и наброски» (см.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 4. С. 486—491; *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. [Л.; М.], 1948. Т. VIII. С. 35—42 — далее: *Пушкин*). При этом часть <III.>, с точки зрения ученого, есть «особый художественно-публицистический этюд», в котором развернута «эпизодическая деталь брошенного романа (разговор с испанцем о светских женщинах)» (*Оксман Ю.Г.* «Гости съезжались на дачу» // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931 (= *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 12. — Прил. к журн. «Красная Нива» на 1931 г.). С. 104). Это мнение разделяли готовившие академический том Н.В. Измайлов и Б.В. Томашевский (*Пушкин.* Т. VIII. С. 1050), и оно закрепилось в пушкиноведении; см., например: *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина (пути эволюции). Л., 1987. С. 66. Е.С. Gladkova, напротив, полагала, что беседа в части <III.> является непосредственным продолжением той, что была начата персонажами в части <I.> (*Gladkova E.C.* Прозаические наброски Пушкина из жизни «света» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 308—311).

² Подсчитано по: *Пушкин.* Т. VIII. С. 37—42.

но прозаических. Большинство выявленных сходжений относится к двум тесно связанным тематическим пластам: *art de vivre* и типажи петербургского высшего света³; размышления о русской аристократии⁴.

При всей существенности параллелей как таковых не менее важна, думается, принципиальная структурная гетерогенность *ГС* — резервуара различных тем и (микро)сюжетов, по большей части занимавших Пушкина на протяжении длительного времени. Попробуем вычлениить эти единицы и посмотреть, как они разошлись из *ГС* по кругу текстов, обладающих сопоставимым тематико-сюжетным каркасом⁵:

³ Литература с более или менее лаконичными указаниями на параллели обширна; см. в первую очередь: Брюсов В.Я. Неоконченные повести из русской жизни // Пушкин А.С. [Собр. соч.] / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1910. Т. 4. С. 264—270; Гладкова. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света». С. 305—322; Петрунина. Проза Пушкина. С. 68—69; Сидяков Л.С. «Евгений Онегин» и незавершенная проза Пушкина 1828—1830 годов: (Характеры и ситуации) // Проблемы пушкиноведения: Сб. научных трудов. Л., 1975. С. 32—39; *Его же*. «Евгений Онегин» и замысел «светской повести» 30-х годов XIX в. (К характеристике Онегина в седьмой главе романа) // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 118—124; O'Bell L. Pushkin's *Egyptian Nights*: The Biography of a Work. Ann Arbor, 1984. P. 41 *passim*.

⁴ Эта тема варьируется, как хорошо известно, во многих текстах конца 1820—1830-х гг.: «Романе в письмах», набросках «На углу маленькой площади...» и «Отрывок» («Несмотря на великие преимущества...»), «Опровержения на критики», стихотворении «Моя родословная», поэме «Езерский», статье «О дворянстве» и др. См., например: Ахматова А.А. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина. С. 104—106; Петрунина Н.Н. «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 36.

⁵ Имеются в виду разновременные, разной степени завершенности и жанровой размытости обращения Пушкина к «прозе о большом свете»: «На углу маленькой площади...» (НМП; ноябрь 1829 — февраль 1832), «Пиковая дама» (ПД; 1833), «Египетские ночи» (ЕН; осень 1835?), «Мы проводили вечер на даче...» (МПВ; 1835). Те же единицы встречаются и в других произведениях: скажем, в «Онегине» — 1а, 1б, 1с, I, 3, 4, IVа, 5, Va, Vb; «Арапе Петра Великого» — 1б, I, 3, IIIа [свернуто до: «по выходе из монастыря» — Пушкин. Т. VIII. С. 4], IIIб, IIIс, Vc (отмечено: Гладкова. Прозаические наброски Пушкина из жизни «света». С. 308); «Рославлеве» — 1с, 4, 5; «Романе в письмах» — 1а, 1б, 1с, I, 4, IVа, 5, Va, Vb, Vc). Однако они либо структурно далеки от *ГС*, как «Онегин» или «Роман в письмах», либо построены вокруг фигур, занимающих иное место в социально-гендерной классификации (так, автор сообщает нам некоторые сведения о воспитании своенравных Лизы из «Романа в письмах», Полины из «Рославлева» и даже Лизы из «Барышникрестянки», но все они — дворянские *девушки*), либо развернуты в другом локусе (Париж, деревня, Москва).

Темы/фигуры	Тексты	Сюжетные фрагменты	Тексты
1а. Великосветская гостиная (зала/бальная зала)	ПД, ЕН, МПВ	I. Светское злословие/иные формы общего мнения	НМП, ПД, ЕН, МПВ
1б. общество в ней/ иерархия/гендерные роли	ПД, ЕН, МПВ		
1с. речевые характеристики и черты индивидуального тона	ПД, ЕН, МПВ		
2. Русский (<i>homme du monde</i> ⁶) и иностранец, уроженец юга Европы	ЕН	II. Беседа их:	ЕН
		IIа. о петербургских ночах, русских красавицах и тоне высшего общества столицы	
		IIб. о русской аристократии	
3. Своенравная и страстная молодая женщина (<i>femme à la mode</i>)	НМП, МПВ	IIIа. История ее воспитания	
		IIIб. История ее замужества/брака	НМП, МПВ (свернуто до «вдова по разводу»: <i>Пушкин</i> . Т. VIII. С. 421)
		IIIс. История ее чувств	НМП, МПВ
4. <i>Homme du monde</i> , его черты	НМП, ЕН, МПВ	IVа. История его пребывания в свете IVб. Его связь с <i>femme à la mode</i>	ЕН НМП, потенциально — МПВ

⁶ Пользуемся определениями из набросанного по-французски плана-конспекта «L'homme du monde fait la cour à une femme à la mode...» [Светский человек ухаживает за модной дамой] (1828; *Пушкин*. Т. VIII. С. 554, 1075), развитием (неполным) ряда пунктов которого стали части <I.> и <II.> *ТС* и, в дальнейшем, отрывок «На углу маленькой площади...».

5. Зарисовки светских лиц (в т.ч. эпиграмматически заостренные)	НМП, ПД, ЕН, МПВ	Va. Контуры отношений между этими лицами	ПД, ЕН, МПВ
		Vb. ~ между ними и <i>homme du monde</i>	НМП, ЕН, МПВ
		Vc. ~ между ними и <i>femme à la mode</i>	НМП, ЕН, МПВ
		VI. Любовная переписка	НМП, ПД

Как видно из таблицы и выкладок в сноске 5, востребованными, и не единожды, оказались практически все элементы *ТС*⁷. «Вакантными» остались лишь разговоры русского и испанца (Па и Пб), занимающие соответственно второй абзац части <I.> (который и будет преимущественно интересовать нас ниже) и часть <III.>.

На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестью северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке. «Как хороша ваша северная ночь, сказал он наконец, и как не жалеть об ее прелести даже под небом моего отечества?» — «Один из наших поэтов, отвечал ему другой, сравнил ее с русской, белобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая италианка или испанка, исполненная живости и полуденной неги, более пленяет мое воображение. Впрочем, давнишний спор между *la brune et la blonde* еще не решен. Но к стати: знаете ли вы как одна иностранка изъясняла мне строгость и чистоту Петербургских нравов? Она уверяла, что для любовных приключений наши зимние ночи слишком холодны, а летние слишком светлы». — Испанец улыбнулся. «Итак, благодаря влиянию климата, сказал он, Петербург есть обетованная земля красоты, любезности и беспорочности». — «Красота дело вкуса, отвечал русской, но нечего говорить об нашей любезности. Она не в моде; никто об ней и не думает. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Все стараются быть ничтожными со вкусом и приличием. Что ж касается до чистоты нравов, то дабы не употребить во зло доверчивости иностранца, я расскажу вам.....» И разговор принял самое сатирическое направление.

⁷ В задачи данной работы не входит ни исследование трансформаций, порой значительных, которым перечисленные единицы подвергались при дальнейшем использовании, ни анализ новых констелляций, частью которых они оказывались.

Этот диалог тем больше оснований «представить себе русской интерпретацией беседы, происшедшей на французском языке»⁸, что героиня, в одной из следующих сцен появившись на балконе, «несколько слов по-русски» произносит «с замешательством», одна из причин которого — вторжение одной речевой стихии в другую. Французские в этом разговоре, впрочем, не одни звуки. Беглое замечание касательно того, что на приведенный пассаж (как и на «некоторые детали гл. I “Евгения Онегина” <...> и “Медный всадник”»), возможно, повлияло описание «летней ночи на Неве и открывающегося оттуда вида северной столицы» в экспозиции «Петербургских вечеров» («*Les soirées de Saint-Petersbourg*») Жозефа де Местра⁹, явно нуждается в развитии.

Действительно, этот фрагмент вобрал, по большей части сильно спрессовав, многие черты местровского текста:

1) диалогическую структуру. Немаловажно также, что у де Местра беседа прерывает собой долгое молчание и созерцание (ср.: «Один из них <...> живо наслаждался прелестию северной ночи. С восхищением глядел он <...> на окрестные дачи <...> сказал он наконец» и «*Sans nous communiquer nos sensations, nous jouissions avec délices de la beauté du spectacle qui nous entourait, lorsque le chevalier de В***, rompant brusquement le silence, s'écria <...>*»¹⁰). Кроме того, хотя разговор Кавалера, Графа и Сенатора начинается в плывущей по Неве лодке, уже после четвертой реплики они сходят на берег и поднимаются на «небольшую террасу над входом в мой [Графа] дом <...> Кабинет с книгами выходит прямо на этот своего рода бельведер, который, если угодно, вы можете называть большим балконом» с видом на реку¹¹;

2) ролевые характеристики собеседников — светских людей (русский/иностранец);

3) выписанные с «нескрываемым лиризмом»¹² панорамные виды вечерней Невы, Петербурга, островов. *ГС*: «<...> глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом не-

⁸ Лежнев А. Проза Пушкина. М., 1937. С. 173.

⁹ Томашевский Б.В., Вольперт Л.И. Местр // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 201.

¹⁰ *Maistre J. de. Oeuvres / Ed. établie par Pierre Glaudes. Paris, 2007. P. 457* (далее — *Maistre*). «Не пытаюсь передать друг другу своих чувств, радостно наслаждались мы окружающим нас восхитительным зрелищем — когда кавалер В***, внезапно нарушив молчание, воскликнул...» (*Mestр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998. С. 8* (пер. А.А. Васильева); далее — *Mestр*).

¹¹ *Mestр. С. 11. Ср.: Maistre. P. 458.*

¹² «...le préambule des *Soirées* où le lyrisme éclate» (*Glaudes P. [Introduction aux Soirées de Saint-Petersbourg] // Maistre. P. 423*).

изъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке». Ср. в «Петербургских вечерах», где взгляду повествователя постепенно предстают небо, река, здания и наконец загородный дом:

Au mois de juillet 1809, à la fin d'une journée des plus chaudes, je remontais la Néva dans une chaloupe <...> jusqu'à la maison de campagne <...> Quoique située dans l'enceinte de la ville, elle est cependant assez éloignée du centre pour qu'il soit permis de l'appeler maison de *campagne* et même *solitude* <...>

Il était à peu près neuf heures du soir; le soleil se couchait par un temps superbe. Le faible vent qui nous poussait expira dans la barque que nous vîmes badiner. <...>

Le soleil qui, dans les zones tempérées, se précipite à l'occident, et ne laisse après lui qu'un crépuscule fugitif, rase ici lentement une terre dont il semble se détacher à regret. Son disque, environné de vapeurs rougeâtres roule, comme un char enflammé sur les sombres forêts qui couronnent l'horizon, et ses rayons, réfléchis par le vitrage des palais, donnent au spectateur l'idée d'un vaste incendie.

Les grands fleuves ont ordinairement un lit profond et des bords escarpés qui leur donnent un aspect sauvage: la Néva coule à pleins bords au sein d'une cité magnifique; ses eaux limpides touchent le gazon des îles qu'elle embrasse, et dans toute l'étendue de la ville elle est contenue par deux quais de granit, alignés à perte de vue; espèce de magnificence répétée dans les trois grands canaux qui parcourent la capitale <...>

Mille chaloupes se croisent et sillonnent l'eau en tous sens: on voit de loin les vaisseaux étrangers qui plient leurs voiles et jettent l'ancre. <...>

Nous rencontrions de temps en temps d'élégantes chaloupes dont on avait retiré les rames, et qui se laissaient aller doucement au paisible courant de ces belles eaux. Les rameurs chantaient un air national, tandis que leurs maîtres jouissaient en silence de la beauté du spectacle et du calme de la nuit. <...>

Une musique russe, ressermée entre deux files de rameurs, envoyait au loin le son de ses bruyants cornets. Cette musique n'appartient qu'à la Russie, et c'est peut-être la seule chose particulière à un peuple qui ne soit pas ancienne. Une foule d'hommes vivants ont connu l'inventeur <...> Singulière mélodie! emblème éclatant fait pour occuper l'esprit bien

plus que l'oreille. Qu'importe à l'œuvre que les instruments sachent ce qu'ils font: vingt ou trente automates agissant ensemble produisent une pensée étrangère à chacun d'eux <...>

Le soleil était descendu sous l'horizon; des nuages brillants répandaient une clarté douce, un demi-jour doré qu'on ne saurait peindre, et que je n'ai vu jamais ailleurs. La lumière et les ténèbres semblaient se mêler et comme s'entendre pour former le voile transparent qui couvre alors ces campagnes¹³;

¹³ *Maistre*. P. 455—457. Перевод: «В июне 1809 года на исходе одного из самых жарких дней я поднимался в лодке вверх по Неве <...> в загородный дом <...> Дом этот, хотя и находится в черте города, все же достаточно удален от центра, чтобы называться *сельским* и даже *уединенным* <...> Было уже почти девять часов вечера, солнце садилось, погода стояла великолепная. Ветерок, подгонявший нашу лодку, растворился в парусе, который затрепетал у нас перед глазами. <...> Солнце, которое в умеренных поясах устремляется к западу, оставляя за собой лишь мимолетные сумерки, здесь движется медленно, касаясь земли, как будто покидает ее с сожалением. Его окруженный красноватой дымкой диск катится, подобно огненной колеснице, над сумрачными лесами, замыкающими горизонт, и лучи его, отражаясь в окнах дворцов, кажутся зрителю огромным пожаром. Обыкновенно у больших рек бывают глубокие русла и обрывистые берега, сообщающие им вид дикий и пустынный. Полноводная же Нева течет посреди великолепного города, ее прозрачные воды касаются зелени островов, заключенных в ее объятия, и на всем своем протяжении она опоясана двумя гранитными набережными, протянувшимися вдоль на необозримое пространство. Подобное же великолепие — ни образца, ни подражания для него не найти — повторяется в трех больших каналах, пересекающих столицу. Тысячи лодок, двигаясь наперерез друг другу, бороздят воды реки во всех направлениях; вдалеке виднеются иностранные суда — они складывают паруса и бросают якорь. <...> Порою нам встречались щеголевато разукрашенные шлюпки; весла на них уже убрали, и они тихо предались безмятежному течению великолепной реки. Гребцы затянули народный напев, меж тем как их хозяева в молчании наслаждались красотой окрестных видов и спокойствием ночи. <...> Русские музыканты, сидевшие между гребцами, устремляли вдаль шумные звуки своих рогов. Подобного рода музыка принадлежит одной лишь России, являясь, вероятно, единственным творением этой еще молодой нации. До сих пор живы многие, знавшие ее изобретателя <...> Удивительная мелодия! Яркий символ, созданный скорее для рассудка, нежели для слуха. И что за дело произведению до того, ведают ли сами инструменты, что творят; двадцать или тридцать автоматов совместным действием порождают мысль, чуждую каждому из них в отдельности <...> Солнце опустилось за горизонт; сквозь блестящие облака струилось мягкое сияние золотистых сумерек, неподвластное кисти художника, — нигде не видел я ничего подобного. Казалось, смешались свет и мрак, они будто сговорились образовать прозрачное покрывало и набросить его на эти поля» (*Местр*. С. 5—8; курсив автора).

4) рефлексию по поводу северной ночи в сопоставлении с южными (ср.: «как не жалеть об ее прелести даже под небом моего отечества?» и «Rien n'est plus rare, mais rien n'est plus *enchanteur* qu'une *belle nuit d'été* à Saint-Petersbourg, soit que la longueur de l'hiver et la rareté de ces nuits leur donnent, en les rendant plus *désirables*, un *charme* particulier; soit que réellement, comme je le crois, elles soient plus douces et plus calmes que *dans les plus beaux climats*»¹⁴).

Кроме того, «дача ***» — скорее всего, дача графа и графини Лаваль¹⁵, у которых де Местр, как и многие члены дипломатического корпуса, регулярно бывал в свой петербургский период¹⁶, что бросает на интересующий нас фрагмент еще один отсвет «Петербургских вечеров» и славы их автора в том числе и как мастера светской беседы.

Пушкин свертывает приведенные абзацы до лаконичных штрихов, но вместе с ними в *ГС* втягиваются стереотипы европейской, прежде всего французской россики XVIII—XIX вв., многосоставный фон которой был, бесспорно, значим для восприятия трактата де Местра. Картина Невы как архитектурного стержня и величественной (в том числе за счет гранитных набережных) водной магистрали новой столицы — обязательный элемент многих сочинений о России, зачастую открывающий их «петербургские страницы» (само по себе это неудивительно, если принять во внимание реальные черты ландшафта и травелогические каноны). Весьма часто Нева описывается в летний вечер или теплую белую ночь с их подчеркнутой необычностью, не только в черте города, но и в дачной местности (на островах); упоминаются ширина русла, скорость движения воды, различные суда, световые и колористические эффекты, нередко — музыкальное сопровождение прогулок по воде: роговая музыка Нарышкиных, концерты на даче А.С. Стро-

¹⁴ *Maistre*. P. 455. «Нет ничего более редкого, но притом и более чарующего, чем прекрасная летняя ночь в Санкт-Петербурге. Может быть, долгая зима и самая редкость подобных ночей делают их более желанными и тем сообщают особенную прелесть, а может быть — а я так и полагаю — они и в самом деле нежнее и безмятежнее, чем в странах с климатом более мягким» (*Местр*. С. 6). Отметим косвенное соотнесение ночи с женщиной (через грамматический род и прилагательное «*désirable*» [желанный], возможно, метатетически отразившееся в *ГС* — «жалеть о»).

¹⁵ Аргументы см.: *Вайнштейн А.Л., Павлова В.П.* К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...» // *Временник Пушкинской комиссии*. 1966. Л., 1969. С. 36—43.

¹⁶ См., например, подневные записи американского посланника в Петербурге (John Quincy Adams in Russia. Comprising portions of the diary of John Quincy Adams from 1809 to 1814. New York; Washington; London, 1970. P. 128—129, 140—141 *passim*).

ганова на Каменном острове, любительские оркестры частных лиц (чем дополнительно оживляется параллель «Северная Венеция» / Венеция).

Сообразуясь с объемом заметки, приведем лишь несколько выдержек:

Après le souper, nous allâmes nous promener *sur le quai*, c'est le rendez-vous général <...> Je me suis retiré à une heure et demie par *la plus beau temps du monde*. Les nuits sont *d'une clarté singuliere*; on lit la gazette à minuit, et dans un mois cela sera encore plus sensible; mais l'on paie cher ce petit agrément, et ce n'est pas sans raison, mon ami, que je t'ai dit que nous étions dans le pays des extrêmes. Cela est à la lettre au moral et au physique (Мари-Даниэль де Корберон; впечатления 1776 г.)¹⁷.

La belle Néva si *claire*, si *limpide* traverse la ville *chargée de vaisseaux et de barques* <...> Les *quais* de la Néva sont en *granit* <...> D'un côté de la rivière se trouvent de superbes monumens, celui de l'Académie des arts, celui de l'Académie de sciences et beaucoup d'autres encore qui *se reflètent dans la Néva*. On ne peut rien voir de plus beau au clair de lune que les masses de ces majestueuses édifices <...> Quoique j'ai parlé plus haut du clair de lune ce n'est pas qu'à l'époque de mon arrivée il me fut possible d'en jouir; car au mois de juillet on n'a pas à Pétersbourg une heure de nuit, le soleil se couche vers dix heures et demie du soir, *la brune* dure jusqu'au *crépuscule*, qui commence vers minuit et demie, en sorte qu'on y voit toujours clair <...> [Le comte Stroganoff] possédait <...> près de la ville, à Kaminostrof, un charmant cazin à l'italienne <...> l'été est superbe en Russie ou souvent au mois de juillet j'ai eu plus chaud qu'en Italie <...> vers le soir, nous remontâmes sur la terrasse d'où nous vîmes tirer, dès que la nuit fut venue, un très beau feu d'artifice que le comte avait fait preparer. Ce feu, *repété dans les eaux de la Néva*, était d'un effet magique (чуть далее — описание роговой музыки; Луиза-Элизабет Виже-Лебрен; впечатления 1795 г.)¹⁸.

¹⁷ Цит. по: *Greve Cl. de. Le Voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIIIe et XIXe siecle*. Paris, 1990. P. 369 (далее — *Voyage*). Перевод: «После ужина мы прогуливались по набережной, это всеобщее место встречи. <...> Я удалился домой в половине второго, погода была великолепнейшая. Ночи поразительно светлы; в полночь можно читать газету, а через месяц все это станет еще заметнее; но за эту невеликую прелесть платишь дорого, я не без основания говорил тебе, мой друг, что мы находимся в стране резких крайностей. Это буквально так, и в моральном и физическом отношениях». Курсив в цитатах, отмечающий схождения с «Петербургскими вечерами» и *ГС*, наш.

¹⁸ *Souvenirs de madame Louise-Elisabeth Vigée-Lebrun... T. II*. Paris, 1835. P. 268—269, см. также с. 339. Перевод: «Через город, неся на себе суда и лод-

Les édifices sont encore d'une *blancheur éblouissante*, et la nuit, quand la lune les éclaire, on croit voir de grands fantômes *blancs qui regardent*, immobiles, *le cours* de la Néва. Je ne sais ce qu'il y a de particulièrement beau dans ce fleuve, mais jamais les flots d'aucune rivière ne m'ont paru si *limpides*. <...> Les Russes habitants de Pétersbourg ont l'air d'un peuple du Midi condamnés à vivre au Nord, et faisant tous ses efforts pour lutter contre un climat qui n'est pas d'accord avec sa nature. <...> Les grands seigneurs russes montrent, à leur manière, les goûts des habitants du Midi. Il faut aller voir les diverses *maisons de campagne* qu'ils se sont bâties au milieu d'une île formée par la Néва, *dans l'enceinte même de Pétersbourg*» (здесь же — описание набережных, далее — островов как дачной местности, «острова Строганова», роговой музыки Нарышкина; Жермена де Сталь; впечатления августа—сентября 1812 г.)¹⁹.

ки, протекает красавица Нева, такая чистая и светлая <...> Набережные Невы гранитные <...> На одном берегу реки располагаются великолепные здания — Академия художеств, Академия наук и многие другие, отражающиеся в водах Невы. Нет ничего прекраснее при свете луны, чем громады этих величественных построек <...> Я упомянула о лунном свете, но в те дни, когда я приехала, им невозможно было любоваться; в июле в Петербурге ночь не длится и часу, солнце садится в половине одиннадцатого, вечерняя заря длится до сумерек, которые начинаются в половине первого, и видно по-прежнему хорошо <...> [Графу Строганову] принадлежал прелестный *casino* в итальянском вкусе неподалеку от города, на Каменном острове <...> в России лето великолепно, здесь в июле мне нередко было жарче, чем в Италии <...> ближе к вечеру мы снова поднялись на террасу и, когда настала ночь, смотрели с нее на прекрасный фейерверк, устроенный по приказанию графа. Повторенный водами Невы, этот фейерверк казался волшебством» (пер. Д.В. Соловьева: Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795—1801. СПб., 2004. С.9—10, 16—18 — страдает неточностями).

¹⁹ *Voyage*. P. 223—224. «Здания здесь еще не утратили ослепительной белизны; ночью, в свете луны, они напоминают исполинские белые привидения, неподвижно глядящиеся в быстрые невские воды. Не знаю, что в Неве особенно красивого, но никогда еще ни одна река не казалась мне такой чистой. <...> Русские, обитающие в Петербурге, имеют вид южного народа, который осужден жить на севере и изо всех сил борется с климатом, не согласным с его природой. <...> На свой лад к жителям Юга близки вкусами и вельможи. Надобно видеть загородные дома, выстроенные ими на острове посреди Невы, едва ли не внутри городской черты» (*Сталь Ж. де*. Десять лет в изгнании / Пер. с франц., статьи и коммент. В.А. Мильчиной. М., 2003. С. 218—219, 222, 226—227). Ср. еще комбинацию из английских путевых записок, автор которых упоминает, в частности, о своем знакомстве с Пушкиным: «clear and limpid Neva»; катание по ней в приобретенном ялике + музыка оркестра, сопровождающего какое-нибудь знатное семейство + описание пикников на островах + описание нарышкинской роговой музыки (*Alexander J. The Travels to the seat of war in the East through Russia and Crimea in 1829*. London, 1830. P. 37—38, 61—62).

Попутно отметим, что парные друг другу водная ширь и прозрачность света в описаниях Петербурга к середине XIX в. уже были спаяны до неразрывности, которая иногда не нуждалась в правдоподобии. Так, в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье запечатлена игра красок на воде и в осеннем (!) вечернем небе над Финским заливом при впадении в него Невы (на подъезде к столице):

Une lumière étincelante mais froide tombait du ciel clair; c'était un azur boréal, polaire pour ainsi dire, avec des nuances de lait, d'opale, d'acier, dont notre ciel ne donne aucune idée; une clarté pure, blanche, sidérale, ne paraissant pas venir du soleil <...> Sous cette voûte lactée, l'immense nappe du golfe se teignait de couleurs indéscriptibles <...> Tantôt c'étaient des blancs de nacre comme on en voit sur les valves de certains coquillages, tantôt de gris de perle d'une incroyable finesse <...> mais tout cela d'un léger, d'un flou, d'un vague, d'un limpide, d'un clair à n'être rendu sur aucune palette, ni aucune vocabulaire²⁰.

При концентрировании очерченных стереотипов в пространство *ГС* попал и важнейший субстрат этих и многих других образцов россики — фрагменты «Духа законов» (1748), посвященные России. В текстах де Местра и г-жи де Сталь, знакомых с трактатом напрямую и до тонкостей, этот субстрат проступает явственно (хотя де Местр с философом все время полемизирует, в основном имплицитно, а г-жа де Сталь — нет). К тезисам Монтескье восходят присутствующие у обоих замечания о климате и географическом положении новой столицы, а также (в «Десяти годах в изгнании») «обратно пропорциональном» их соотношении с образом жизни петербуржцев. Напомним, что в «Духе законов» из климатической теории делается вывод о том, что петровская европеизация ошибочна методологически (нравы и обычаи, формирующиеся под влия-

²⁰ *Gautier Th. Oeuvres complètes. Voyages. / [...] Notes par Natalia Mazour et Serge Zenkine. Paris, 2007. T. 5: Voyage en Russie. P. 77—78, 433—434.* Перевод: «Сверкающий, но холодный свет нисходил с ясного неба; это была, так сказать, северная, полярная лазурь молочных, опаловых, стальных оттенков, о которых наше небо не дает никакого представления; чистая, белая, звездная прозрачность, идущая словно бы не от солнца <...> Под этим молочным сводом колоссальная ширь залива окрашивалась в непередаваемые цвета <...> Это были то перламутрово-белые оттенки, словно в створках некоторых раковин, то жемчужно-серые, немыслимой тонкости <...> и все было исполнено такой легкости, размытости, расплывчатости, прозрачности, сияния, которые не в силах передать никакая палитра, никакой словарь» (ср. пер. Н.В. Шапошниковой в изд.: *Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 25*). По мнению Н.Н. Мазур, Готье рисует скорее белые ночи (в октябре темнеет быстро и рано): их описание является общим местом «французских книг, действие которых происходит в Петербурге» (сочинений Г.-Т.-Ф. Фабера, Местра, Кюстина, Дюма). — *Gautier Th. Oeuvres complètes. P. 433—434.*

нием природной среды, нельзя изменить силой законов), а ее достижения не могут не быть столь же недолговечны, сколь и неестественны²¹. Впрочем, г-жа де Сталь и особенно де Местр далеки от обрисовки Петербурга в бесстрастной манере умозаключений Монтескье. И одну, и другого захватывает стихия трансформационного пафоса, грандиозность свершившихся перемен — при их неправдоподобной и страшноватой быстроте. Возможно, поэтому самым верным фоном для описания красот северной столицы: набережных, памятника Петру, который не то «грозит», не то «защищает»²², петербургских дач, разбросанных то ли в черте города, то ли за ней, и роговой музыки, апофеозы автоматизма, — де Местр счел феномен белых ночей с их магией (ср. ночь и «свет луны» у г-жи де Сталь). Петербург в его книге предельно спиритуализован: это *locus amoenus*, «город-сон: место, на котором он стоит, преображенное гением его основателя, открывает перед созерцающими величайшую гармонию. <...> Вместо прозаической реальности их глазам предстает не просто величественный город, но уголок чистых наслаждений, островок почти райского счастья»²³.

Этот многослойный контекстный шлейф, переливаясь, сопровождает и беседу испанца с русским в *ГС*. Их разговор, начатый восхищенно-идиллической репликой первого, которую собеседник как будто бы подхватывает при помощи прозрачной отсылки к идиллии Гнедича²⁴, однако, тут же теряет эту тональность. Снача-

²¹ Кн. XIX, гл. 14. Развернутый обзор отзывов философа о Петре I и его стране см.: *Тарановский Ф.В.* Монтескье о России (Из истории Наказа императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей: Сб. Академической группы в Берлине. Берлин, 1923. Т. I. С. 178—223.

²² *Местр*. С. 8 («l'on ne sait si cette main de bronze protège ou menace» — *Maistre*. P. 457).

²³ *Glaudes*. [Introduction aux Soirées de Saint-Petersbourg]. P. 423.

²⁴ Русский *homme du monde* в *ГС*, в отличие от героев «Отрывка» («Несмотря на великие преимущества...») и «Египетских ночей», чертами сочинителя не наделен. На этом фоне обращает на себя внимание свободное, пусть с оттенком пренебрежения, упомянутый им пассаж из «Рыбаков» («Та ясность, подобная прелестям северной девы / Которой глаза голубые и алые щеки / Едва отеняются русыми локонов волнами»), ранее приведенный в примеч. 8 к «Онегину» (*Пушкин*. Т. VI. С. 191—192). Тут стоит напомнить, что из «русской идиллии» Гнедича Пушкин сделал весьма обширную (27 строк) выписку, содержащую основные, в том числе колористические, параметры описания летней ночи в росике с предсказуемым включением «чужого» взгляда: «Как взор иноземца на северном небе пленяет / Сиянье волшебное тени и сладкого света, / Каким никогда не украшено небо полудня» (курсив наш). Текст Гнедича, вообще, обнаруживает немало любопытных переключек и с *ГС*, и с его западноевропейским фоном: диалогическая структура (разговоры старшего и младшего рыбаков), локус (река, острова, аристократическая (Строгановская) дача), а также контрастные картины Невы, «шумевшей тысячью весел» вечером и молчаливой в полночь, после того, как «разъехались гости градские» (ср. в *ГС*: «Гости съезжались» vs «Гости разъезжа-

ла она спотыкается о слово «белобрысая», затем — о досадливо констатированное петербуржцем отсутствие в соотечественницах «живости и полуденной неги» (наблюдения над типом внешности и темпераментом русских женщин — еще один неперемный элемент россики, своим возникновением также во многом обязанный обобщениям Монтескье) и совершенно разбивается о полную немыслимость любовных приключений ввиду изофункциональных в данном контексте белых ночей и холода, лета и зимы²⁵. Попытка европейца вернуть беседу в афористически-комплиментарный тон через полушутливое поминание климатической теории и «райских» коннотаций: «Петербург есть обетованная земля красоты, любезности и беспорочности» вызывает серию резких и горьких реплик русского, в основном представляющих собой отрицательные конструкции: «нечего говорить», «она не в моде», «никто <...> и не думает», «все стараются быть ничтожными». Ввиду полемики о связи между фрагментами *ГС* небезынтересно отметить, что такое же сцепление мотивов (пустота+мертвенность+холод как доминанта национального восприятия Петербурга и всего петербургского / «недоброжелательность» и «невнимание» как «черта нашего нрава» в сходном оформлении всплывает в части <III.>, принадлежа здесь уже обоим говорящим: «нигде не чувствовал себя так связанным, так неловким как в проклятом вашем Аристокр<атическом> кругу», «немые, неподвижные мумии, напоминающие мне Египетские кладбища», «какой-то холод меня пронимает», «меж ими нет ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мне Славою», «наследственной Арист<ократии> у Вас не существует» (испанец); «политика и литература для них не существует», «очарование древн<остью> благодарность к прошедш<ему> и уважение <к>

лись»). Возвращаясь к «Онегину», заметим, что восьмое примечание сопровождает рассказ о том, как автор и герой, стоя на гранитной набережной Невы, «безмолвно упивались» «дыханьем ночи благосклонной» (*Пушкин*. Т. V. С. 24).

²⁵ В записках Казанова, который, вразрез с уже сложившейся традицией, отзывается о белых ночах пренебрежительно («C'est beau, dit-on, mais cela m'ennuyait» — *Casanova de Seingalt*. Histoire de ma vie... / Ed. présentée et établie par Francis Lacassin. Paris, 1993. Т. 3. Р. 407; «Говорят, красиво, а по мне одна доука» — *Казанова*. История моей жизни. М., 1990. С. 569; пер. А.Ф. Строева), имеется эпизод, фоном которого служит отсутствие ночи, бесконечные дни лета 1765 г. На маневры в окрестностях Петербурга, проводившиеся в присутствии императрицы, Казанова, взяв с собою крестьянскую красавицу («<...> казалась мне ожившей статуей Психеи, виденной на вилле Боргезе. <...> Бела как снег, а черные волосы еще пушиль блеск придавали белизне» — Там же. С. 563), «арендованную» им у родителей на время жизни в северной столице, отправился в поместительном дормезе («Schlusffnagen» — sic!). Экипаж служил ему передвижным кровом, равно удобным для светской жизни («ко мне являлись с визитами» — С. 580) и для любовных утех. Доказать, что эта или подобная история служит в *ГС* «самой сатирической» иллюстрацией петербургской «чистоты нрава», пока не представляется возможным, но к описанному фону она тяготеет.

нравственным дост<оинствам> для нас не существует» (русский). В этой связи, пожалуй, некорректно преувеличивать в собеседнике Минского непосредственность и «свежесть восприятия»²⁶: рефлексивная составляющая в его созерцании выделена сразу, а во второй беседе она превращается в жадный интерес, свойственный скорее «представлявшемуся во всех Евр<опейских> дворах» ученому-любителю, который вдруг обнаружил ценного информатора: «Извините мне мои вопросы <...> но вряд ли мне найти в другой раз удовлетворительных ответов и я спешу вами пользоваться» (как сигналы «монтескьеанского» субстрата²⁷ можно понять и сообщение испанца о том, что он «занимается Вашими законами», и его терминологически точное наблюдение: «между вашим дворянством» существует гражданское равенство — и доступ к оному ничем не ограничен»).

ГС, в чью рамку Пушкин включил все, что на момент работы над отрывком было, по его мнению, продуктивным для разработки нового тематического поля, демонстрирует, таким образом, не только уже констатированную гетерогенность. Как минимум две входящие в него единицы нагружены смыслами, которые, располагаясь в очень широком диапазоне, допускали развитие едва ли не взаимоисключающих интонационных возможностей. Для повести из светской жизни этот спектр оказался востребованным в небольшой степени²⁸, но при изучении «Медного всадника», видимо, есть смысл учитывать сконцентрированный до сложной типологемы взгляд «путешествующего» иностранца, который, встав (или сев) у «окна в Европу», залюбовался петербургской белой ночью²⁹.

²⁶ Петрунина. Проза Пушкина. С. 66.

²⁷ О методике сбора и обработки «русских» материалов к «Духу законов» см.: Минути Р. Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 31—35.

²⁸ Ср. ироническую ремарку в отрывке «Мы проводили вечер на даче...»: «Молодой человек, стоявший у камина (потому что в Петербурге камин никогда не лишнее), в первый раз вмешался в разговор <...>» (Пушкин. Т. VIII. С. 420). Для сравнения приведем аранжировку рассмотренных мотивов в сцене из «Рославлева» Загоскина, где на реплику княгини-галломанки «L'amour embellit tout» [Любовь все украшает] сидящий у нее в гостиной «французский путешественник» отвечает: «Жаль только <...> что любовь не греет у вас в России: это было бы очень кстати. Скажите, княгиня, бывает ли у вас когда-нибудь тепло? Боже мой! — прибавил он, подвигаясь к камину, — в мае месяце! Quel pays! [Ну и страна!]» (цит. по: Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 1980. С. 47).

²⁹ О значимом для поэмы фоне «Петербургских вечеров» см.: Нольман М.Л. Poleмическое начало в поэме «Медный всадник» (Пушкин — Жозеф де Местр — Мицкевич) // Ученые записки Костромского пед. института. 1966. Вып. 13.

ЕВРОПА В РОССИИ

Сборник статей

Кафедра славистики Университета Хельсинки
Новое литературное обозрение
2010